

ВНУТРЕННЯЯ РЕЧЬ КАК СРЕДСТВО ХАРАКТЕРИСТИКИ ПЕРСОНАЖЕЙ В РОМАНЕ А. И. СОЛЖЕНИЦЫНА “РАКОВЫЙ КОРПУС”

У статті здійснюється художній аналіз внутрішньої мови як засобу характеристики персонажів у романі О.І. Солжениціна “Раковий корпус”. На прикладах використання автором простого репліцирування, внутрішнього монологу та діалогу в мисленнєвій діяльності героїв розглядаються особливості світоглядних позицій персонажів.

Ключові слова: внутрішня мова, репліцирування, внутрішній монолог і діалог, акторіальна й ауторіальна оповідь.

Актуальность темы исследования определяется необходимостью комплексного анализа внутренней речи в романе А. И. Солженицына “Раковый корпус” как особого средства характеристики персонажей и формы языкового общения индивидуума в качестве фрагмента художественного текста. Главным фактором, обуславливающим актуальность данного исследования, является отсутствие литературоведческих трудов, предлагающих более или менее систематизированное описание внутренней речи, ее семантического наполнения и стилистического функционирования. Это объясняется, прежде всего, сложностью и многоаспектностью объекта исследования.

“Столкнуть две судьбы – палача и жертвы, связать социальную трагедию сталинизма с трагедией смертельной болезни и перед лицом этих неумолимых роковых сил поставить вопрос: чем люди живы, – это замысел большого художника”, – такими словами завершает критик Е. Б. Тагер свое письмо-рецензию на роман А. И. Солженицына “Раковый корпус”, видя в нем подлинное художественное открытие [2, 88]. В создании произведения бесспорно высокой литературной ценности одну из главных ролей играет внутренняя речь как средство характеристики персонажей, придавая миру образов потрясающей многомерности и содержательной наполненности. Особенной актуальности интраперсональное общение приобретает в герметичном, камерном мире замкнутого пространства палаты, в которую Солженицын помещает онкологически больных. Изолированность от социума и перипетии собственной болезни подталкивают героев к размышлениям над собственной судьбой, оставляя наедине с собой и воспоминаниями. А потому вопрос о внутренней речи как средстве характеристики персонажей во многом определяет целостный облик героев, стилистическую организацию и поэтику произведения в целом, а, значит, достоин самого пристального литературоведческого рассмотрения. Е. Б. Тагер одним из первых высоко оценил существенный элемент разоблачения господствующей идеологии в романе, которая стала, по его словам, “защитным панцирем, внутри которого подлец уверен в своем праве на самоуважение” [2, 86].

Вопиющее и взывающее к совести каждого, противоестественное осознание зла как добра, преступления как добродетели, а человеконенавистнической и кровавой идеологии как в высшей степени гуманной неумолимо и безапелляционно осуждает и подвергает острому высмеиванию Солженицын посредством раскрытия особенностей внутренней речи отдельных представителей сталинской эпохи в романе “Раковый корпус”. Так, например, Русанов не без умиления вспоминает о сталинских репрессиях, тем самым самоизобличая в себе доносчика: “В то прекрасное честное время, в тридцать седьмом-тридцать восьмом году, заметно очищалась общественная атмосфера, так легко стало дышаться! Все лгуны, клеветники, слишком смелые любители самокритики или слишком заумные интеллигентки – исчезли, заткнулись, притаились, а люди принципиальные, устойчивые, преданные, друзья Русанова и сам он, ходили с достойно поднятой головой” [5, 167]. Такие воспоминания отличаются от того, что вынес Костоглотов из лагерного опыта: в день, когда умер Сталин зэки вопреки запрету в знак ликования стали подбрасывать в воздух шапки. Другой персонаж Ефрем Поддубев, пытаясь осознать причину своей болезни как возмездия за греховно прожитую жизнь, вспоминает о том, как был надзирателем в тюремной колонии и в сильный мороз заставил заключенных работать, не давая им ни в чем спуска и не вняв их мольбам, тогда и услышал от них: “Ничего. И ты будешь умирать, десятник!” [5, 181]. Эти и другие воспоминания героев запечатлевают их добольничный опыт, свидетельствуют об их пребывании по разные стороны идеологических баррикад.

Внутренняя речь Русанова отражает в себе ограниченность его сознания, находящегося в узких рамках диалектико-материалистического мировоззрения и потому в системе идеологического противоборства занимает позицию, противоположную взглядам и жизненному опыту главного героя романа Олега Костоглотова. Подобное идейное и нравственное противостояние

угнетающего и угнетенного, палача и жертвы наличествует в структуре внутренней речи произведения. Непримируемость позиций этих двух героев проходит через всю канву романа и заявляет о себе с первых его строк во внутренних замечаниях и размышлениях. Так, например, во время объяснения Костоготовым геометрических правил Демке автор не преминет указать на раздраженные мысленные реплики Русанова, графически беря внутреннюю речь в скобки. Непосредственно за высказыванием Олега о том, что образование ума не прибавляет, следует несобственно-прямая речь Павла Николаевича: “(Чему учит ребенка, Оглоед!)” [5, 21]. А после предложения Олега своему ученику заниматься стереометрией ежедневно и вовсе следует внутреннее негодование их соседа по койке: “(Этого еще не хватало, над ухом)” [5, 23]. Прием выделения внутренней речи в скобки наличествует и в других эпизодах, свидетельствуя о раздражительности Русанова и органической неспособности к чуткости. Так, интерес Людмилы Афанасьевны по поводу того, что читает ее больной Дема вызывает незамедлительное внутреннее возмущение Русанова: “(Не могла найти вопроса поумней! В служебное время!)” [5, 41]. В скобки берутся и его мысли по поводу дальнейшей тактики поведения с Костоготовым: “(Тут не возражать, не спорить надо было по субботнему, а надо было проверить, что это за человек, откуда он, из чьих, – и его вопиюще-неверные взгляды не вредят ли занимаемой им должности)” [5, 123].

Особенное место в характеристике внутренней речи занимает система взаимоотношений между больными и врачами. Не все может и обязан говорить о болезни пациенту доктор, и не все понимают больные из происходящего, а потому существует недосказанность, которая порождает ряд мысленных предположений и домыслов у больного, часто далеких от истинного положения вещей, и служит поводом для обдумывания подлинного диагноза и лечения медицинскими работниками.

Так Ефрем и Евгения Устиновна перед очередной тяжелой операцией понимают друг друга, но не произносят мыслей вслух. Автор передает молчаливые укоры Ефрема посредством несобственно-прямой речи: “(Он хотел выразить: как же вы раньше резали? Что ж вы думали? Но никогда не щадивший никаких начальников, всем лепивший в лицо, Евгению Устиновну он поберёг. Пусть сама догадается)” [5, 101]. Врач мысленно внемлет тяжелым укорам Поддуева, однако про себя отрицает неправильность выбранного пути: “(Что ж говорить тебе, горемыка, что рак языка – это не рак нижней губы? Подчелюстные узлы уберёшь, а вдруг оказывается, что затронуты глубинные лимфоути. Этого нельзя было резать раньше)” [5, 101]. Мысленные терзания присутствуют и во внутренней речи маститых докторов, посвященных в тайны онкологии: Людмила Афанасьевна, застигнутая страшным диагнозом, пытается уследить за ходом мыслей доктора Орещенкова, но страх и надежда мешают ей сосредоточиться: “(Он сказал: “если надо будет резать”. Он хотел выразить, что, может, и не придётся?... Или нет, вот что... Нет, хуже...)” [5, 386].

В целом весь врачебный обход представляет собой мастерски закодированную систему сокрытия истинных мыслей докторов. Солженицын отмечает, что “...все полтора часа генерального обхода заведующий хирургическим отделением говорил не то, что думал, следил, чтоб тон его не выражал его чувств” [5, 313], поэтому внутренняя речь здесь подавлена, а говорится не то, что мыслится. Подобная дуалистичность подхода дала возможность исследователю Ю. Дюжеву говорить о схожести сцены обхода врачом своих подопечных с показательными “выходами в народ” лидеров перестройки [1, 145].

Таким образом, внутреннюю речь в романе “Раковый корпус” можно условно подразделить на то, о чем персонаж думает, что вспоминает и говорит сам себе. Ю. М. Сергеева рассматривает внутреннюю речь как особую форму языкового общения и выделяет такие основные формы существования внутренней речи как простое реплицирование, внутренний монолог и внутренний диалог [4, 5]. Все три представлены в произведении, что обусловлено спецификой творческого метода: несколько судеб показано на изломах, место действия происходит в замкнутом пространстве больничного помещения в относительно короткие сроки, а, значит, многое может быть передано с помощью воспоминаний и размышлений, но не в непосредственном действии.

Примером внутреннего диалога может служить взволнованное состояние Веры Гангарт после духовного сближения с Костоготовым во время переливания ему крови. Придя вечером к себе домой и усевшись в кресло, Вера повторяет мысленно все сказанное и добавляет то, что еще не было произнесено: “Она стала разговаривать – но не вслух. Она воображаемо разговаривала с ним, будто он сидел тут же, через круглый стол, при том же зеленоватом свечении. Она говорила то, что ей надо было сказать, и выслушивала его: верным ухом отбирала, что он мог бы ответить. У него очень трудно предвидеть, как он вывернет, но, кажется, она привыкала” [5, 298].

Для Гангарт упомянутый вечер послужил ключевым моментом для переосмысления и переоценки своей жизненной позиции и осознания верности выбранного пути. Героиня вспоминает свою бывшую любовь и клятвы в верности, конструирует диалог с Олегом, который, кажется, способен на то, чтобы понять ее – и все это происходит в средоточии мысли, чувства и воли героини: “Она досказывала ему сегодняшнее – то, что при их отношениях ещё никак сказать нельзя, а вот сейчас можно. Она развивала ему свою теорию о мужчинах и женщинах.

Хемингуэевские сверх-мужчины – это существа, не поднявшиеся до человека, мелко плавают Хемингуэй. (Обязательно буркнет Олег, что никакого Хемингуэя он не читал, и даже гордо будет выставлять: в армии не было, в лагере не было)” [5, 298].

При этом внутренняя речь каждого из персонажей содержит в себе присущие только ему миросозерцательные начала как выражения сознания мыслящего. Посредством внутренней речи осуществляется приобщение к миру мыслей и эмоций героев, к неким универсальным сущностям, бытийным и метафизическим. Автор дает возможность читателю отслеживать динамику духовного развития либо нравственной деградации героев и тем самым обогащает художественную многомерность произведения, осуществляя при этом смещение с ауториальной перспективы (или регистра) повествования на акториальную. При этом регистр может меняться мгновенно по ходу повествования. Роман “Раковый корпус” начинается с авторской речи, чередующейся с несобственно-прямой речью Русанова, стилистически окрашенных вкраплений выражения его сознания, свойственных ему миросозерцательных позиций. Данное утверждение широко представлено многочисленными нравоучениями, выражающими недоброжелательную позицию говорящего:

- “И когда только научится наше население ездить с чистыми аккуратными чемоданами!” [5, с. 6]
- “Вот уж ума не хватило назвать тринадцатым какой-нибудь протезный или кишечный” [5, с. 3].
- “Сколько еще в нашем населении неискорененного хамства! И как его с этим грузом вести в новое общество!” [5, с. 21]
- “Однако, и войдя в палату, врачи не поспешили к койке Русанова!” [5, 40]

Явственно видно, что не автору неприятен номер корпуса или поведение докторов, а само возмущение и неприятие Русановым своего загнанного положения заявляет здесь о себе уже с первых строк романа и возрастает по мере развития событийного плана. Вскоре и сам автор спешит заметить, проникнув во внутренние переживания героя, что все было Павлу Николаевичу неприятно: начиная с убогих, казенных помещений больницы и заканчивая криками боли “одного русского парня” [5, с. 4]. Именно неприятие и озлобленность по отношению к чужим ему больным людям, а не сожаление или сочувствие, присутствует во внутренней речи героя.

Сам же Солженицын был всегда убежден, что не бывает зла и добра в чистом виде, как нет и абсолютно доброго и злого человека, путь к лучшему в себе лежит через постоянную внутреннюю работу над собой, неотступное преодоление препятствий в себе же. Механизм зла состоит в том, что совершая злой поступок, человек должен прежде осознать его как добро или как осмысленное закономерное действие, для того, чтобы простить преступление самому себе еще только зарождающееся, только подготавливающееся к совершению в его сознании, найти достойное по его меркам оправдание своим поступкам. В этом случае внутренняя речь помогает отследить ключевые моменты перерождения, подмены понятий и арсенала оправдательных средств в сознании Русанова: “Да всю свою жизнь перебирая, Русанов не мог упрекнуть себя в трусости. Ему не приходилось бояться! Может быть он не был какой-нибудь особо храбрый человек, но и случая такого не припоминалось, чтобы проявил трусость. Нет оснований предполагать, что он испугался бы на фронте – просто на фронт его не взяли как ценного, опытного работника. Нельзя утверждать, что он растерялся бы под бомбёжкой или в пожаре – но из К* они уехали до бомбёжек, и в пожар он не попадал никогда” [5, 167–168]. Потому внутренняя речь в данном произведении несет в себе характер нравственного высветления сущности каждого из героев.

Но если Ефрем Поддубев по прочтении книги Л. Толстого задумался над смыслом жизни в целом и своей в частности, то Русанов не стоит на пороге раскаяния, что тревожит его внутренний покой – это страх возмездия в виде “прямого удара кулака [5, 165]. Этого он страшится, этим и заняты его мысли.

Оторванный от системы, брошенный болезнью в чуждое и презираемое им окружение, Русанов во сне загнан в трубу, по которой ползет в поисках выхода. Сон героя является ценной художественной находкой автора, поскольку представлен внутренним монологом в сознании больного, в котором присутствуют внутреннее реплицирование (неверие по поводу происходящего во сне) и внутренний диалог (разговор с дочкой погибшей и работниками на замусоренной свалке). Как отметил критик В. А. Каверин: “... сила этой фигуры в том, что скальпель смерти вскрывает и страх доносчика и убийцы. Он, конечно, сильное воплощение мертвого идола сталинизма, может быть, сильнее еще написан во сне, чем наяву, потому что вскрыты какие-то глубины его существа” [3, 254]. Этот сон Русанова другой литературовед Е. Б. Тагер назовет позднее “фантастической логикой бреда” [2, 84], одной из сложнейших задач, которую только может поставить перед собой автор – изобразить героя изнутри через сновидения, вызванные болезненной реакцией на укол, где грань между действительностью и сознанием в бреде стерта умелым росчерком пера гения.

Примечательными являются описания экстралингвистических характеристик и способа продуцирования внутренней речи. Когда Ефрем думает, то под ним ходят половицы, что

раздражает Русанова, который чувствует усиленную внутреннюю работу над собой его соседа по палате, но к чему он сам еще не приблизился. Данная деталь несет в себе символический подтекст, так как под “расшатанными половицами” подразумевается неспособность прежних жизненных принципов Поддуева дать ответ на вопрос “Чем люди живы?”, а потому Ефрем переосмысливает всю свою жизнь, смотрит на нее в свете прочитанной книги Л. Толстого.

Внешние признаки раздумий Людмилы Афанасьевны проявляются в присобранных бровях: возвращаясь домой, врач еще продолжает размышлять над диагнозами и лечением своих больных, всматривается в окружающих с точки зрения онкологического проявления заболеваний, “как бы подозревая локализацию тех возможных опухолей” [5, 83] но постепенно переносится в своих мыслях к вопросам домашнего хозяйства и семейным делам. Напряженная работа мысли доктора Донцовой находит свое отражение в развернутой метафоре: “...и рабочие мысли ещё вились вокруг её головы, как пчелы, долго спусти ворота, а утром – задолго до них” [5, 84].

Показательной является ситуация ответов больных на вопрос: “Чем люди живы?”. При этом экстралингвистические характеристики, такие как мимика, расположение и поведение героев при обдумывании этого вопроса, свидетельствует о глубине проникновения в проблему, степени духовной развитости каждого из персонажей. Напряженный мыслительный процесс – это привилегия положительных героев. Так Павел Николаевич предпочитает меньше думать самостоятельно и больше черпать необходимую ему информацию из газет, потому как система социалистических догм не предусматривает свободу мысли. Поэтому над вопросом, заданным Ефремом, Русанов долго не раздумывает: “Ничуть не затруднился Павел Николаевич, даже и от курицы почти не оторвался:

–А в этом и сомнения быть не может. Запомните. Люди живут: идейностью и общественным благом. И выкусил самый тот сладкий хрящик в суставе” [5, 94].

Отсутствие паузы для размышления между вопросом и процессом поедания свидетельствует об отсутствии мыслительной деятельности как таковой у Русанова во всем, что носит идеологический или философский характер. Но когда все-таки ему, не привыкшему мыслить, приходится защищаться в споре, то при вынужденном напряжении внутренней мысли Павел Николаевич усиленно потеет, покрывается алыми пятнами и поправляет соскочившие очки.

Костоготов же, напротив, выглядит, по выражению автора, “черным псом”, готовым пересматривать и опровергать любые догмы, если они идут в разрез со здравым смыслом и справедливостью. Любое событие проходит через тщательное осмысление Олега. Так, к примеру, процесс переливания крови вызывает у него недоумение и любопытство: “Тут много было ещё непонятого: зачем крутили жгутом выше локтя? Зачем в шприце была жидкость как вода? Можно было спрашивать, а можно и самому голову потрудить...” [5, 288].

При помощи внутренней речи в произведении выражаются драматические, подчас переломные моменты в сознании рефлексирующих персонажей: от самоуничтожения и саморазоблачения, осознания собственной ничтожности и внутреннего суда над собой до надежды на выздоровление, дерзких планов на будущее, фиксации в сознании всего происходящего. Посредством же воспоминаний и размышлений возможно приобщиться к прошлому героев, проникнув в их сущность.

Список использованных источников

1. Дюжев Ю. “Для этой страны, где живешь”: [Пробл. нравственности народа в повести А. Солженицына “Раковый корпус”] / Ю. Дюжев // Север. – 1992. – № 3. – С.145–155.
2. Клинг О. “... К лучшему в себе, к лучшему себе...”: [Попытка портрета Е. Б. Тагера с приложением его отзыва о “Раковом корпусе” и ответа А. И. Солженицына] / О. Клинг // Вопр. лит. – 1991. – № 11/12. – С. 70–91.
3. Слово пробивает себе дорогу. Сборник статей и документов об А. И. Солженицыне. 1962–1974 / [сост. В. Глоцер]. – М. : Русский путь, 1998. – 496 с.
4. Сергеева Ю. М. Внутренняя речь как особая форма языкового общения (на материале англоязычной художественной литературы): дис. ... доктора филол. наук: 10.02.04 / Юлия Михайловна Сергеева. – М., 2009. – 565 с.
5. Солженицын А. И. Раковый корпус: Повесть / А. И. Солженицын. – М.: Худож. лит., 1990. – 462 с.

Summary. This article provides literary analysis of inner speech as a characterizing device of heroes in the novel “Cancer Ward” by O. I. Solzhenitsyn. On the example of analysis of the simple replication, inner monologue and dialogue used by the author in heroes’ mental activity we have showed in the article peculiarities of heroes’ inner world.

Key words: inner speech, replication, inner monologue and dialogue, author and 1st-person narration.